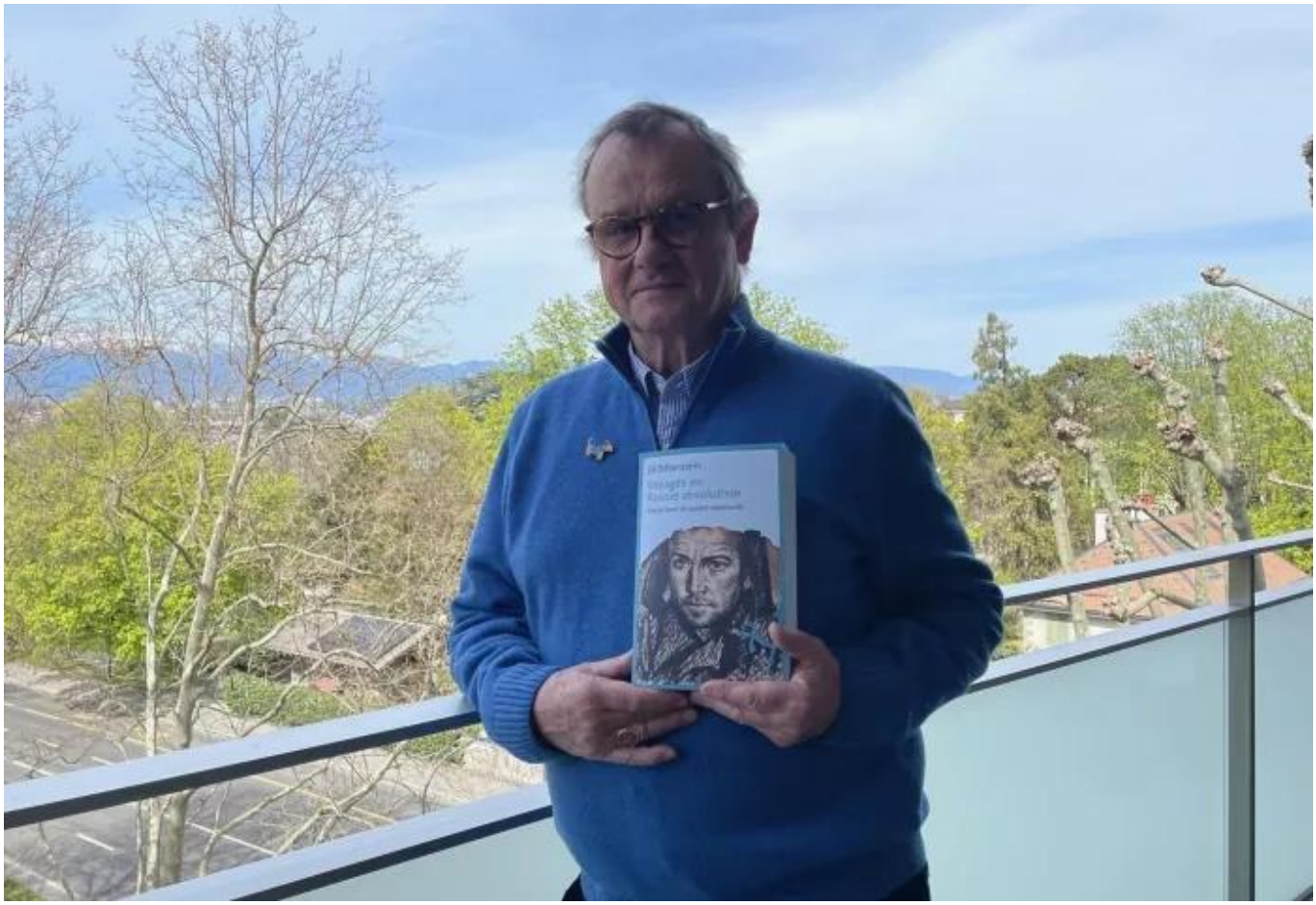
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Жиль Зильберштейн: «Путешествия в авторитарную Россию»

27.04.2022.

Жиль Зильберштейн © N. Sikorsky

Где-то в середине февраля давний партнер Нашей Газеты лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc предупредило нас о скором выходе в свет эссе «по нашей тематике». Разумеется, мы заинтересовались и выразили готовность прочитать и рассказать читателям. После чего получили гранки – 850 страниц почти без картинок. И это называется «эссе»?! Осилив внушительный том, который тянет скорее на титул «истории абсолютной власти в России, рассказанной на конкретных примерах», мы встретились с автором, к которому за время чтения скопилось множество вопросов.

Жиль, давайте начнем с традиционного вопроса издалека – откуда у Вас такой ненасытный интерес к России?

В доме в Париже, где я вырос, среди моих соседей были две русские пары, обе – врачи, Лайлатовы и Тундутовы. С их легких рук, так сказать, я отправился лет в 16 в лагерь «Сокол» на юге Франции, такой военно-спортивный лагерь, куда съезжалась русская молодежная элита. Кроме того, моим лучшим школьным другом (и противником) был Мишель де Скрябин, внук композитора, но не Александра, а другого, писавшего в основном военную музыку. Благодаря ему я познакомился не только с убранством квартиры этих «белых русских», но и с их менталитетом, с их обожанием литературы. Затем, в 1973 году, я поступил на работу в издательство L'Age d'Homme, с деятельностью которого был хорошо знаком. Там я купался в «русскости».

В какой момент из наблюдателя Вы превратились в участника событий, связанных с Россией?

Первым гражданским поступком, если хотите, стала книга о Юрии Галанскове, поэте и диссиденте, умершем в советском лагере в возрасте 33 лет. Работая над ней, я познакомился с Владимиром Буковским, Натальей Горбаневской, Александром Гинзбургом… Потом я еще встречался с ними, когда занимался Анатолием Марченко.

Но как же при таком интересе Вы не выучили русский?

Осторожно: я учил! В 2002 году я был преисполнен решимости освоить ваш язык и собирался провести несколько месяцев на Чукотке, в компании певицы-чукчи. Готовясь к этой поездке, я в течение трех месяцев занимался русским с Мод Мобийар (хорошо известной нашим читателям переводчицей, в частности, книг Гузель Яхиной – Н. С.), потом с ее подругой Евой Антониковой (работающей в данный момент над новым переводом «Анны Карениной» - Н. С.). В целом – полгода интенсивных занятий. Уже была виза, билеты, но проект сорвался, так как мне не выдали «специальный пропуск», необходимый для пограничной зоны. Я был в отчаянии. Но тут на блошином рынке в Париже мне попалась открытка из Тувы. Я позвонил Мод, и мы провели три лета в Туве, в результате чего родилась книга «В небесной тайге: между Китаем и Россией, вселенная тувинцев» (*Dans la taïga céleste : Entre Chine et Russie, l'univers des Touvas*, Albin Michel, 2005).

Незнание русского, очевидно, все же мешало в работе над «Путешествиями в авторитарную Россию», на которую ушло пять лет. Как строился Ваш творческий процесс?

Книга не создавалась, как демонстрация абсолютизма в России. Она родилась из желания почтить память четырех выдающихся личностей, сыгравших важную роль в моей жизни. Анатолий Марченко, потому что в течение многих лет я боролся за его вызволение из лагеря. Виктор Серж, потому что я участвовал в редакции собрания его теоретических и политических текстов. Лермонтов, потому что его невозможно не любить. И Богораз, которого я открыл, собираясь на Чукотку. Все эти герои меня «вскормили», если хотите, и в какой-то момент постучались ко мне в дверь. Я ее открыл.

Работа строилась по-разному. Для начала необходимо было найти единомышленников – друзей, прекрасно владеющих русским языком и готовых пожертвовать своим временем, чтобы сопровождать меня в поездках по России. К

счастью, таковые нашлись. Затем, разумеется, огромное количество прочитанного – думаю, чтение было моей полноценной работой в течение как минимум двух лет.

Еще даже не погрузившись в текст, а лишь взглянув на обложку, авантитул, эпиграф и посвящение, невольно охаешь от обилия (изобилия?) аллюзий, отсылок, пересечений… Тут тебе и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева и «Россия в 1839 году» маркиза де Кюстина, и Мандельштам с Алексаняном, и «Мемориал», и Алексей Навальный, и Зоя Светова, и «герои нашего времени» в целом…. Для непосвященного читатели каждое имя собственное, каждое название требует пояснений. Не боитесь отпугнуть аудиторию?

Могу ответить только – слава Вере Михальской, согласившейся выпустить эту книгу в издательстве Noir sur Blanc. Не знаю, кто бы еще на это пошел. А Ваш вопрос совершенно справедлив, но, честно, я об этом не думал, я просто хотел отдать долги, о чем говорю в предисловии. Я хотел дать возможность публике – пусть не очень многочисленной, но не боящейся толстых книг – окунуться в ту Россию, которую я люблю, проследить связи между моими героями и окружающими их персонажами, по возможности, получив при этом удовольствие.

П. Е. Заболотский. М. Ю. Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка (1837 г.) © Государственная Третьяковская галерея

У Вашей книги есть подзаголовок – «Жизнь и смерть четырех оппозиционеров». При этом героев повествования не четыре, а десятки! Кому адресовано это сочинение, содержащее сотни имен, подчас малоизвестных, а то и вовсе не известных даже русскоязычному читателю?

Я адресую его России, как текст в ее защиту. В защиту той России, которую очень люблю и которая достойна любви. Ваш вопрос меня трогает, потому что эта Россия существует! Не только в «Мемориале», но и в старенькой смотрительнице музея, которая, кажется, дремлет, и к которой мы обычно обращаемся, чтобы узнать, где туалет, но задайте ей вопрос о коллекции, и на волю вырвется джин! В Рафаиле Хрисомове, который практически на свои – очень небольшие! – деньги много лет поддерживал работу музея-заповедника Пастернака в Татарстане. Эта Россия далека от центральной власти и тех СМИ, которые еще могут сегодня работать, но она существует, она – моя! К четырем выделенным персонажам надо добавить пятый – гражданское общество. Если бы я писал эту книгу, сидя у себя дома, книга была бы совсем иной. Без поездок в Россию, без всего пережитого бытового дискомфорта я бы не встретился с этими героями нашего времени.

Ваша книга вышла в особый момент – в разгар войны. Ее появление можно сравнить с выходом романа «Покорность» Мишель Уэльбека в день теракта против редакции Charlie Hebdo. Вот и не верь после этого в предначертания судьбы. Вы думаете, что после этой войны люди, мир по-прежнему смогут любить Россию, которую так любите Вы?

Конечно! Я думаю, что люди, как и я искренне любящие Россию, находятся сейчас в состоянии траура. И меня раздирают противоречивые чувства. С одной стороны, я очень рад, что книга вышла, ведь она – большая часть меня, результат огромной работы. С другой, я понимаю, что интерес к ней со стороны СМИ подстегнут войной, и

сожалею, что причина в этом.

Рассказы о четырех основных героях – Анатолии Марченко, Михаиле Лермонтове, Владимире Тане Богоразе (он же – Натан Менделевич Богораз) и Викторе Серже (он же – Виктор Львович Кибальчич) – представлены без всякой явной связи между собой и даже не в хронологическом порядке. Однако нет сомнения, что логика существует. В чем она?

Логика есть! *(смеется)* Начиная не с начала, я хотел обеспечить себе полную временну**ю** свободу для последующего повествования. Я хотел, чтобы каждое из четырех «посвящений» было самостоятельным исследованием, при этом связанным с остальными и отражающим контекст данной эпохи. Я не стремился ни к хронологическому порядку, ни к расположению героев по принципу «значимости» – Анатолий Марченко, конечно, не «закуска». Но моя последняя собеседница в этом разделе, правозащитница Людмила Алексеева, дает ключ к продолжению – она говорит о декабристах.

Анатолий Марченко (1938–1986) - правозащитник, диссидент, политзаключенный, писатель

Признаться, удивило присутствие в списке оппозиционеров Михаила Лермонтова. Как Вы пришли к нему?

Все началось с «Героя нашего времени». Лермонтов – лирик, нежный и нервный. Мне близка его позиция. Он не «вышел» из Пушкина, как часто полагают, хоть влияние Пушкина было огромным. Мне кажется, его короткая жизнь была ответом на многочисленные вызовы, в ней было стремление понять кавказцев и дискомфорт в кругу аристократов… Именно Лермонтов помог мне лучше понять декабристов и весь 19 век. Я очень его люблю!

Читая Вашу книгу, создается впечатление, что Вам столько хотелось рассказать, что даже в 850 страниц всё не вместилось, и от этого – постоянные отступления, перескакивания и возвращения… Согласны?

Совершенно согласен! Вот только один пример – возвращение с Кавказа. Смотрю на карту – Воронеж. Ну как не заехать в Воронеж…

… ведь там был Мандельштам с его «Пусти меня, отдай меня, Воронеж»…

Вот именно! И Мандельштам, и Платонов. А отправляясь на Урал, как не «заехать» к Геннадию Айги?! Айги, который был так духовно близок к Пастернаку, Маяковскому, Ахматовой… Так и вьется эта ниточка по всей России.

Ваш рассказ охватил несколько веков российской истории. Однако кажется, что не изменилось, по сути, ничего, даже в области литературы и литературной критики. Возьмем такой яркий пример, как маркиз де Кюстин, который, по его собственному признанию, «ехал в Россию искать доводов против республики», а вернулся, если не республиканцем, то уж во всяком случае убеждённым противником абсолютизма, который, по его словам, довёл до катастрофы Францию и может погубить Россию. Первое издание его «России в 1839 году», состоящее из 4 томов и более 1200 страниц, вышло в Париже в 1843 году и сразу же стало бестселлером, а в России книга также

сразу попала под запрет - контрабандно провезённые экземпляры читались российской аристократией во французском оригинале вплоть до 1891 года. Книга де Кюстина вызвала в Европе и в России большой общественный резонанс, и в ответ российские власти развернули специальную кампанию контрпропаганды. По поручению жандармского ведомства несколько современных де Кюстину русских авторов опубликовали во Франции критические отзывы на его книгу. Как мы видим, методы совершенно не изменились, страх перед печатным словом в России не исчез, как не исчезло и показное пренебрежительно-снисходительное отношение к нему – Пастернак, Бродский, Светлана Алексиевич, список длинный. Чем Вы это объясняете?

Как Вы помните, Екатерина II отправила Радищева в ссылку после публикации его «Путешествия из Петербурга в Москву». Потом он вернулся ко двору Александра I, начал вынашивать разные идеи типа равенства всех перед законом, на что его начальник поинтересовался, не захотелось ли ему снова в ссылку. Радищев покончил с собой. Печатное слово всегда доставляло неудобства. Так что название моей книги верное. Она заканчивается «Мемориалом», но можно добавить посткриптум, перечислив все СМИ, закрытые за последние два месяца. Я восхищаюсь теми в России, кто не опускает руки.

Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич, 1890-1947) — русский и франкоязычный писатель, революционер, журналист, деятель коммунистической партии и Коминтерна

Многие западные интеллектуалы восхищались Сталиным. Многие западные политики приветствовали приход к власти никому не известного тогда офицера КГБ Владимира Путина, отмечая среди его заслуг молодость, опыт жизни в Европе и владение немецким языком. Почему западный мир, в течение веков старательно изучающий Россию, так ничего в ней и не понял?

Не знаю. Но пытаюсь помочь лучшему пониманию моей книгой. Я прекрасно помню, что в момент смерти Анатолия Марченко в 1986 году западный мир гораздо больше интересовался прелестями Раисы Горбачевой, меня это тогда глубоко шокировало.

Так случилось, что я начала читать Вашу книгу 5 марта – в день смерти Сталина. В тот день в Швейцарии проходили антивоенные демонстрации, где Россия фигурировала как агрессор, оккупант… Чем Вы объясняете тот факт, что беспредел, на протяжении веков творившийся в рамках сначала Российской империи, затем СССР и России, в конце концов вылился за национальные пределы?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Падение рейтинга Путина и стремление повысить его «быстрой победоносной войной»? Не получилось. Оказался ли он в результате «голым», как пресловутый король? На мой взгляд, да. Все эти телешоу, все эти службы в церкви – все это способствовало возбуждению в населении ура-патриотических чувств, в населении, часто не имеющем альтернативы. Сколько русских искренне думают, что Навальный – обычный мошенник! Путин умеет манипулировать общественным мнениями, жонглируя историческими фактами.

Меня очень тронуло описание Вами посещения квартиры академика Сахарова

в Нижнем Новгороде, в которой он вынужденно провел почти семь лет. Вы цитируете, в частности, знаменитое «письмо трех» Л. И. Брежневу от 19 марта 1970 года (помимо Андрея Дмитриевича, его подписали физик В. Турчин и историк Р. Медведев), в котором задается вопрос «Что ожидает нашу страну, если не будет взят курс на демократизацию?» Казалось бы, если не тогда, то через 15 лет курс был взят. Но теперь все вернулось на круги своя. Неужели нет в России альтернативы абсолютизму? Ведь именно к такому выводу подводит Ваша книга.

Я знаю, но я не хочу, не могу это признать вопреки всем фактам. Да, факты указывают на то, что альтернативы нет. Но все проявления гражданского и личного мужества, о которых я рассказываю, не позволяют поставить на России крест. Да, размышляя об истории России на протяжении веков, изучая наследие Герцена, невольно напрашиваются параллели с «Мемориалом», ныне закрытым. Будут ли у него последователи? Хочется верить, что да. Хочется верить, что это не утопия.

Владимир Германович (рожд. Натан Менделевич) Богораз (псевдонимы Н. А. Тан, В. Г. Тан; известен также как Тан-Богораз, Богораз-Тан, при публикациях в США Waldemar Bogoras (1865-1936) — российский революционер, писатель, этнограф и лингвист

С начала войны против Украины кто только не рассуждает о причинах ее и о следствиях, а также о том, почему россияне в массе своей или молчат, или поддерживают агрессию. В качестве объяснений называются накопленный столетиями страх, навязанная православием привычка к покорности, дезинформация… В Вашей книге Вы приводите слова литературного критика и народника Петра Ткачева, звучащие невероятно актуально: «Ни в настоящем, ни в будущем, народ, сам себе предоставленный, не способен совершить социальную революцию… Народ не может сам спасти себя… Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать». Под революционным меньшинством он понимал интеллигенцию, которую сегодня в России называют пятой колонной. Все аналитики сходятся сегодня в том, что в России необходима смена власти, но «нормальной» процедуры для этого нет. На Ваш взгляд, есть ли личность или сила, способные возглавить этот процесс?

Не знаю, ведь все очевидные возможные кандидаты последовательно «убирались». Хочется надеяться, что современное гражданское общество располагает большими возможностями для утверждения демократии, чем во времена декабристов.

Но в современном обществе декабристы, увы, – это олигархи.

Ну что Вы говорите!

А кто еще обладает близостью к власти, положением в обществе и деньгами для финансирования деятельности? При этом известны они, благодаря современным СМИ, гораздо более широким «народным массам», чем декабристы в их время.

Боже мой, это не приходило мне в голову. Оптимизма это не внушает, ведь олигархи явно не романтические герои. Но на протяжении всего периода, который я описываю,

в России присутствуют ростки оппозиции – да, регулярно подавляемые, но присутствуют. Обречены ли эти ростки замерзнуть, не достигнув цветения? Не знаю.

Все войны заканчиваются, закончится и эта. Каким Вам видится будущее России?

Мрачным. Серым. С опущенными головами. С недоверием ко всему и ко всем.

Как Вы думаете, будет ли Ваша книга переведена на русский язык?

Не думаю. Но мне так бы этого хотелось! Ведь эта книга – гимн всему, что есть в России прекрасного.

история России в Швейцарии
авторитарная Россия

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/zhil-zilbershteyn-puteshestviya-v-avtoritarnuyu-rossiyu